

Год 1928-й.

СТО ЗИМ

Свою первую и единственную благоустроенную квартиру Мария Григорьевна Титова получила, когда ей исполнилось уже 62 года. И хотя жить там ей предстояло вдвоем с дочерью Софьей, а впереди больше не просматривалось никакой перспективы на улучшение жилья, переезд радовал. Еще бы, с тех пор, как в 33-м году приехали они в Магнитку, в каких-то углах ни уютился: сначала была уместившая лишь стол да стул комната в одном из бараков, которую Мария Григорьевна получила как уборщица. Спустя несколько лет получили они жилье попросторнее, на Профсоюзной — опять же комнату в два метра шириной и пять — длиной. В этих «хоромах» нашлось место еще и племяннику, здесь же находили пристанище и другие многочисленные родственники, приехавшие в город. И только в 61-м переехали мать с дочерью на правый берег. И с тех пор уже более трех десятков лет живут они в своей однокомнатной «хрущевке» на четвертом этаже как раз на перекрестке Гагарина и Карла Маркса. Здесь же недавно, 12 июля, самые близкие люди поздравляли Марию Григорьевну с дважды золотым юбилеем — со столетием.

Подумать только, сто лет! И все же в тепличных условиях века XX свой век бабушка Маша. По ее бы рассказам да историю писать. И не выдуманную, не приукрашенную. Живую, настоящую и очень непростую.

У родителей, как выражается баба Маша, их было тринадцать штук. В живых осталось восемь. О детстве своем она рассказывает не стала. Признаться, поначалу я решила, что запомню старушка свою золотую пору. Ан, нет, не в этом дело.

— А что про детство-то говорить? Детство ведь не моя забота была. Тогда о нас родители заботились. А мы жили себе — горя не знали.

Потому и начинает она отсчет своей жизни не с года рождения — 1899-го, не с революций и российских потрясений, а с того времени, когда навалились на нее все тяготы и испытания. После революции пошла Мария в колхоз. К тому времени много что изменилось в ее родной деревне Казанке на Оренбуржье. Нет, не потекла вспять ее любимая речушка Ташла. А вот близких ей с детства людей будто наизнанку вывернуло. Отца раскулачили, матери не стало. Вокруг нищета, голь перекатная. Марии в колхозе после молотбы и зернышка не досталось. Не с протянутой же рукой по деревне ходить?

Отправилась она работу искать аж за десять верст от родного дома. По тем временам каждая верста от своего гнезда имела масштаб космический. И началась в жизни Марии Григорьевны пора золотая. Да не потому, что в золоте купалась, а потому, что день-деньской вместе с такими же деревенскими девчатами мыла на

деревне. Я поступила в учительский барак уборщицей и печки топил. Потом поселили нас в общежитие. Я и Симу воспитывала, как сейчас уж никто не воспитывает. Иду пол мыть, и она со мной. Утром рано бужу ее. «Мам, неохота», — а все-таки шла помогать. А уж со взрослой и вовсе стало легче... А потом я пошла работать... — задумывается Мария Григорьевна. — Сим, я куда работать-то потом пошла?

Серафима Николаевна ласково гладит по руке свою старенькую маму:

— Мама, труженица ты моя. Болела она очень сильно. Сначала тифом. В бараке лежала — окна прямо на земле, а рядом с ними паровозы ходят. Потом двухстороннее крупное воспаление легких. Врачи думали, что уже не выживет...

— Погоди-ка, я же на завод пошла, — засиял радостью голос бабы Маши. — Дали мне направление в ширпотреб — кровати там делать. Да одна женщина отсоветовала. Тогда послали меня в горячий цех. Наматывали проволоку на колесо. Как не успеешь вовремя обрывать, растянется проволока длиннющая. Но я там недолго работала. Меня вместе с другими в новый цех отправили. Работали в три смены. Привезут металл длинный, дадут молоток и долото, всю

настойчивостью попросилась на прежнее место:

— Поработала это я. А начальник смены посмотрел-посмотрел: Маша, тебе, мол, нельзя здесь работать, уж больно у тебя лицо отекает. Но из цеха меня не выгнали, в столовую перевели, своих же цеховых кормить. — последних своих слов Мария Григорьевна словно стесняется. — Но я потом все же вернулась на производство. С автогенщиками работала. Они режут, а я зачищаю. Мне говорят: тебе тяжело. А я говорю: ничего не тяжело, я тут буду.

Вот и разгадывай после всего услышанного, в чем кроется секрет долголетия. Каких только напастей жизнь не припасла на долю Марии Григорьевны — выстояла. Ее близкие говорят, что выживать ей помогали доброта, тихое смирение и терпение. За всю жизнь не помнят они ее ни злой, ни раздраженной. А каково было ее материнскому преданному сердцу, когда еще в ранней молодости забрал у нее бывший муж старшенькую дочку? И когда обе дочери — одна в 42-м, другая в 43-м — ушли на фронт добровольцами?

— Бабуль, ты расскажи, как тетю Симу на фронт провожала, — вступает в разговор старшая из внучек Людмила.

— Я ее не провожала, она мне не велела на вокзал идти, — и по сей день тень обиды в голосе Марии Григорьевны. — Ты, говорит, мам, не ходи: будешь плакать и я заплачу. Зачем же я пойду? А на сердце все время скребло. Письмо получу — отляжет немного: жива, значит.

Все вместе — мать и две дочери — они встретились лишь после войны. Нам остается лишь догадываться, какой была эта встреча после стольких разлук, несказанных слов, неосуществленных надежд. А уж с того времени, когда в 56-м бабушка Маша пошла на пенсию, все с той же самоотверженностью взялась она за воспитание внуков, правнуков. Как та скорая и самая надежная помощь отправлялась она по первому зову в Челябинск, чтобы вынанивать одного, другого, третьего. Жалеет только Мария Григорьевна, что крохотную правнучку Машеньку уже не сумеет увидеть своими глазами. И деревню свою, Казанку, повидать напоследок не сможет: нет уже этой деревни в Оренбуржье. По просьбе матери съездила Серафима Николаевна в родные края, да не нашла ничего от прошлой жизни и некогда богатого села. Ничего, кроме ре-

Послевоенный снимок.

СТО ЛЕТ

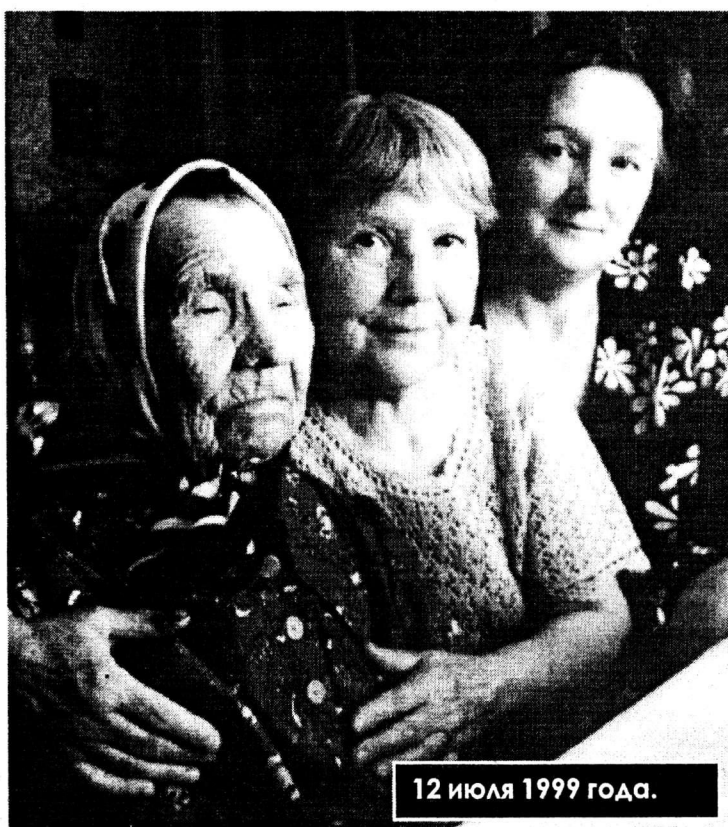
фабрике золота. И уж кому, как не ей, знать истинную цену этому металлу:

— Как золото мыли? Вода колесо крутило, вроде как на мельнице. Вот мы в него и бросали руду. Цельный день лопатой кидаешь и кидаешь, и кидаешь. А лопаты-то совковые были. А когда уж совсем сил нет, бросишь на эту «мельницу» большой комок — она и остановится. Тут и отдыхаем. А само-то золото резиновыми брусками смывали два раза в смену. Да только недолго там проработала. Мне начальник советовал в профсоюз вступить. А я, молодая, беспечная, думаю: успею, мол, еще в профсоюзе. А нас, невступивших, и сократили. — Мария Григорьевна ведет рассказ неспешно, словно вовсе и не о своей жизни повествует, а об увиденном в кино. А, может, так оно и есть. Вот уже несколько лет она ничего не видит и не слышит. Живет сама в себе. И только дочь ее, Софья, остается, по сути, единственным связующим с внешним миром звеном. Но уж чего не смогла отнять старость у Марии Григорьевны, так это здравого ума, памяти и еще ясного синего огонька в незрячих уже глазах.

О чем думается ей в своей глубокой тишине, куда не проникают ни новые лица, ни бурные события дня сегодняшнего? Только воспоминания, как кадры старого фильма. В конце 33-го с десятилетней Соней приехала она в Магнитку. К тому времени уж столько она набедовалась — все восемь лет после развода с мужем, парнем видным, да с ветерком в голове, мытарилась по чужим углам. Молодая стройка дала ей и кусок хлеба, и крышу над головой.

— Мам, тебя спрашивают: а счастье-то в жизни было?

— Счастье у меня было, такое счастье — работа одна. В Магнитке нам с Симой жилось лучше, чем в

12 июля 1999 года.

смену сидишь: тук-тук. Все пальцы пощипаешь. Потом начальник говорит: бабы, надо учиться на вырубку. Мы думали, на вырубке так себе...

Слушаю я этот рассказ и думаю: маленькая, худенькая женщина — да какая же из нее вырубщица. Но к тому времени уже шла война, а значит, никто не смотрел ни на телосложение, ни на здоровье. Не мудрено было и свалиться от такой нагрузки. Мария Титова и свалилась: сердце прихватило, почки стали отказывать. После больницы вернулась она в цех и с упрямой

чужки Ташлы с плачущими ивами по берегам. Не мудрено, сто лет минуло с беззаботного детства Марии Григорьевны Титовой. Столько воды утекло...

Вместо послесловия

— Бабуль, а деда-то нашего ты любила?

— Прямо уж, любила. Не до любви было. Мне всю жизнь работать приходилось.

— Да не может быть такого!

— Вот тебе и не может. Может, еще как может.

Т. ТРУШНИКОВА.

НИЖНИК Степан Яковлевич

(р. 15.9.1928)

Герой Социалистического Труда. Прокатчик.

Родился в селе Остаповка В. Михайловского района Белгородской области в крестьянской семье. Окончил девять классов и школу мастеров.

В 1943-1945 учился в ремесленном училище №13 Магнитогорска. С 1945 по 1978 трудился на ММК в проволочно-штрипсовом цехе на мелкосортном стане «250» №2. Прошел путь от вальцовщика до старшего вальцовщика. Будучи на пенсии, в 1985 году поступил в техническое училище №13 мастером производственного обучения.

Третья бригада стана «250» №2, где работал С. Нижник, одной из первых на металлургическом комбинате была удостоена звания «Коллектив коммунистического труда». За годы восьмой пятилетки его бригада выдала почти на 7 тыс. тонн проката больше, чем намечалось планом. Почти вдвое за пятилетку уменьшился выпуск второсортной продукции. Коллектив стана за это время дал около 800 тыс. рублей сверхплановой экономии от снижения себестоимости продукции. Бригада освоила установку для охлаждения катанки в технологическом потоке стана. До 12 тыс. тонн металла в год стало экономиться за счет уменьшения потерь в виде окисления.

Страна высоко оценила его труд. С.Я. Нижник удостоен звания Герой Социалистического Труда. Награжден медалями. Ему присвоено звание «Почетный металлург».

По материалам архива и научно-технического музея ОАО «ММК», газеты «Магнитогорский рабочий» подготовил В. ФИЛАТОВ.

ЦАПАЛИН Василий Никифорович

(р. 22.2.1911)

Кавалер трех орденов Ленина. Доменищик.

Родился в селе Новинка Симбирской губернии в крестьянской семье. Закончил сельскую церковно-приходскую школу. Проживает в Магнитогорске с 1931 г.

В 1931-1933 В. Цапалин работал на строительстве центральной электростанции (ЦЭС) ММК.

В 1933 г. по комсомольскому призыву пришел работать в доменный цех ММК. Начиная чугунщиком, затем — горновым. Закончил производственные курсы по изучению горновых работ, затем — курсы техминимума.

Первым горновым работал с 1938 г. Он ввел на печи распорядок работы бригады по строго регламентированному графику. Активный производственный труд успешно совмещал с общественной работой.

За стахановский труд в 1943 г. В. Цапалин был награжден орденом Трудового Красного Знамени.

В послевоенные годы с успехом закончил курсы мастеров.

Одним из первых среди старших горновых освоил работу электропечи конструкции УЗТМ для забивания чугунной летки, заменившей устаревшую двухцилиндровую печь Брозюса. Новшество значительно сократило аварийность и простои печей.

В 1949 г. В.Н. Цапалину присвоено звание «Почетный металлург», в 1950 г. — «Лучший горновой доменного цеха».

За выдающиеся достижения в труде, успешное освоение новых разработок, образцовое выполнение заданий правительства и безупречную работу в черной металлургии В.Н. Цапалин награжден тремя орденами Ленина (1952, 1954, 1958), орденом Трудового Красного Знамени (1943), медалями. Ему присвоены звания «Отличник социалистического соревнования Наркомчермета и Минчермета» (1939, 1940, 1950), «Почетный металлург» (1949) и «Ветеран Магнитки» (1981).

По материалам музея доменного цеха и газеты «Магнитогорский металл» подготовил Е. СТОЯНИН.